

Среди них встречались и крепостные, жившие в городе по паспорту, и свободные (посадские, отставные солдаты и т. п.). Группа эта, однако, для XVIII в. была не характерна.

Таким образом, на материалах рецензируемой книги прослеживается одна из особенностей формирования предпролетариата в России, обусловленная длительным существованием крепостного права и заключающаяся в том, что становление городского образа жизни и переход от крестьянского к промышленному труду предшествовали смелому принудительному труду наемным.

Н. В. Юхнева

Д. В. Сычев. Из истории калмыцкого костюма. Очерк с приложением материалов из документов, дневников и сочинений путешественников, ученых и служивых людей. Элиста, 1973, 168 стр. с илл.

Национальный костюм любого народа — очень трудное для анализа явление. Будучи оригинальным по своему покрою и декору, он вместе с тем включает в себя множество элементов, отражающих и социальную историю, и эстетические вкусы, и историко-культурные связи и взаимовлияния различных народов. Особенно трудна для изучения история национального костюма калмыков, монголоязычного народа, причювавшего в начале XVIII в. из далеких центральноазиатских в приволжские степи.

Теперь уже невозможно воссоздать калмыцкий национальный костюм того времени, когда калмыки добровольно вошли в состав Русского государства. В сохранившихся вариантах калмыцкого костюма XIX в. в значительной мере утрачено общемонгольское начало (особенно это касается мужского костюма) и легко прослеживается влияние новых соседей калмыков — горцев Кавказа, русских, народов Поволжья.

Культурные связи были и остаются одним из важных стимулов исторического прогресса. Однако, несмотря на тесные связи калмыков со своими новыми соседями, калмыцкие мастера сумели творчески переработать все, что проникло в их культуру. Талантливые руки калмычек нередко превращали национальный костюм в уникальное произведение самого высокого искусства.

К сожалению, история калмыцкого костюма никогда и никем до сих пор систематически не изучалась. Ценные сведения, оставленные нам такими замечательными исследователями калмыцкого быта, как Н. А. Нефедьев, П. И. Небольсин, И. А. Житецкий, Н. Н. Пальмов и др.¹, не дают еще полного представления о национальном костюме и украшениях к нему.

Необходима была сводная работа, в которой был бы собран и обобщен этнографический, литературный и изобразительный материал, относящийся к калмыцкой одежде.

Театральный художник Д. В. Сычев много лет занимался сбором и зарисовками лучших произведений калмыцкого народного искусства. В 1970 г. он издал красочный альбом «Хальмг улсин эрдм» («Калмыцкое народное искусство»), получивший высокую оценку научной общественности. А вскоре Д. В. Сычев опубликовал, наконец, первую книгу по истории калмыцкого костюма.

Рецензируемая работа содержит небольшое введение, три главы и обширные приложения, в которых особую ценность представляют 32 таблицы, выполненные самим автором.

В первой главе автор отмечает черты сходства и различия в калмыцкой и монгольской одежде, и умело используя для подкрепления своих выводов таблицы с рисунками костюмов монгольских и других народов, доказывает, что отдельные детали калмыцкого национального костюма имеют многовековую историю, что он не был заимствован ни у китайцев, ни у народов Кавказа (стр. 7—16).

Вторую главу Д. В. Сычев посвятил совершенно неисследованному вопросу — истории костюма калмыков XVIII в. Буквально по крупицам собирая и анализируя во многом противоречивый и зачастую неточный материал путешественников и исследователей XVIII столетия, автор делает попытку воссоздать общий вид костюма того времени. Попытка эта в целом оказалась, на наш взгляд, успешной, так как Д. В. Сычев подошел к решению невероятно трудной задачи вдумчиво, терпеливо и исключительно добросовестно. Ему удалось путем сложных поисков и сопоставлений различных описаний и зарисовок современников реконструировать мужскую и женскую одежду, головные уборы и украшения калмыков XVIII в.

¹ См.: «Подробные сведения о волжских калмыках, собранные на месте Н. Нефедьевым», СПб., 1834; П. И. Небольсин, Очерки быта калмыков Хошоутовского улуса, СПб., 1852; И. Бентковский, Одежда калмыков Большедербетовского улуса, «Сборник статистических сведений о Ставропольской губернии», вып. 2, Ставрополь, 1869; И. А. Житецкий, Очерки быта астраханских калмыков. Этнографические наблюдения 1884—1886 гг., М., 1893; Н. Н. Пальмов, О калмыцких ремеслах, «Калмыцкая степь», № 4—6, Элиста, 1928.

В третьей главе, посвященной эволюции калмыцкого костюма в XIX в., Д. В. Сычев впервые дает полную классификацию национальной одежды калмыков и отмечает важную роль орнамента в ее украшении. Автор критикует тех этнографов, с легкой руки которых установился неверный взгляд на калмыцкий орнамент как на нечто «бедное по форме и по содержанию». Это ошибочное мнение, по мысли Д. В. Сычева, «сложилось прежде всего потому, что исследователи не придавали орнаменту того значения, которое он заслуживает и на какое имеет право» (стр. 34). Сравнивая калмыцкий орнамент с монгольским, автор отмечает, что последний «не имеет ничего общего с калмыцким, что само по себе удивительно, если вспомнить об общности истории монгольских племен, или бытовых вещей, тождественных по форме с монгольскими, как кожаная фляга бортха, деревянный кувшин для чигана, войлочные ковры ширдыг или известная нам безрукавка цэгдег, чехлы для кос шиверлиг» (стр. 36).

Д. В. Сычев безусловно прав, когда говорит о том, что калмыцкий орнамент отличается от современного монгольского. Думается, что известный фонд современной монгольской орнаментики явился результатом и отражением тех многовековых культурных связей и контактов, которые монголы имели с народами Тибета, Индии и других стран, исповедовавших буддизм или его разновидность ламаизм. Сравнительный анализ современного народного искусства монголов со средневековым показал, что до XVII в. (времени принятия монголами ламаизма) монгольский орнамент не отличался богатством мотивов и яркостью колорита.

Как известно, орнамент западных, прибайкальских бурят (ольхонских, эхирит-булагатских, аларских, тункинских, унгинских) сильно отличается от орнамента восточных, забайкальских (хоринских, селенгинских, агинских, боханских, цонгольских) своей суровой простотой, преобладанием геометрических мотивов, немногочветием, большим спокойствием, статичностью. И если бы Д. В. Сычев сравнил орнамент калмыков не с восточномонгольским, а с западнобурятским, то нашел бы немало аналогий, свидетельствующих в пользу тесных историко-культурных связей ойратов, этнических предков калмыцкого народа, с бурятами, жившими к северу-западу от озера Байкал. Кстати, об этих связях ойратов с западными бурятами говорят и данные древнемонгольского фольклора².

Как уже отмечалось, весьма ценная часть рецензируемой книги и самая большая по объему — раздел «Приложения» (стр. 43—96). Здесь исследователь почерпнет немало сведений о монгольской и калмыцкой одежде. Несомненная заслуга Д. В. Сычева — введение вновь в этот раздел в научный оборот таких источников, как, например, «Месясцеслов исторический и географический на 1788 год» или «Санскрин — курэдэ. Священное калмыцкое изображение и сведения о донских казаках действительного члена Областного Войска Донского Статистического комитета Ф. Траилина», давно уже ставших библиографической редкостью.

Вместе с тем выписки из литературных источников, касающиеся костюма монгольских народов, страдают неполнотой. Явно недостает в «Приложениях» выписок из работ таких известных этнографов-монголоведов, как К. В. Вяткина³ (костюм монголов МНР и бурят), И. Е. Тугутов и А. В. Тумухаян⁴ (костюм бурят), К. Торни и Х. Хансен⁵ (костюм монгольских народов Китая).

Известно, что ценность рецензируемой книги определяется не тем, чего в ней нет, а богатством научного материала и мысли, которые делают книгу нужной и полезной для читателя. Д. В. Сычеву несомненно удалось главное — написать такую книгу, которая явится ценным пособием для всех, кто интересуется уникальной материальной и духовной культурой, созданной монголоязычными народами.

Н. В. Кочешков

² К. В. Вяткина, Общие черты материальной и духовной культуры у западных монголов, бурят и южных алтайцев. М., 1964, стр. 2—3.

³ К. В. Вяткина, Монголы Монгольской Народной Республики, «Востоочноазиатский этнографический сборник», «Труды Института этнографии АН СССР», т. LX, М.—Л., 1960, стр. 189—201; е е же, Очерки культуры и быта бурят, Л., 1969, стр. 94—102.

⁴ И. Е. Тугутов, Материальная культура бурят. Этнографическое исследование, Улан-Удэ, 1958, стр. 117—144; А. В. Тумухаян, Бурятское народное искусство, Улан-Удэ, 1970, стр. 6—23.

⁵ К. Торни, Восточная Монголия с этнографической точки зрения (на яп. яз.), Токио, 1927; Н. Н. Hansen, Mongol costumes, «National Museets Skrifter», Ethnografisk Raekke, III, København, 1950.